

Через 30 лет



Близость между Художественным театром и Чеховым была чрезвычайно глубока. Родственные художественные идеи и влияния Чехова на театр были так сильны, что кажутся несомнимыми с тем коротким сроком, который они продолжались. Ведь это было всего на протяжении пяти с небольшим лет. В первый год существования театра Чехов его не знал совсем, и в театре только очень немногие знали Чехова лично, даже после блестящего успеха «Чайки» — истинной создательницы Художественного театра. Многие в театре, начиная с Константина Сергеевича, даже, поняли и полюбили Чехова только после того, как приобщились к его творчеству. А потом, через пять лет, он уже умер. И за этот короткий срок произошла такая художественная сплоченность, что в театре едва ли проходила какая-нибудь серьезная репетиция, во время которой на том или на другом примере не было бы произнесено имя Чехова.

Какие задачи ставил театру Чехов-драматург? Освободиться от закорючатых наслоений сценической рутин и литературных клише старого театра.

Вернуть сцене живую психологию и простую речь.

Рассматривать жизнь не только через ее вздымающиеся вершины и падающие бездны, но и через окружающую нас обыденщину.

Отыскивать театральность драматических произведений не в пресловутой сценичности, отдавшей театр на много лет во власть особого рода мастеров и оттолкнувшей от нее живые литературные таланты, а в скрытом внутреннем психологическом движении.

Искусство Чехова — искусство художественной свободы и художественной правды. Искусство художника, который любил жизнь тем более, чем менее имел на нее права вследствие своей болезни. Любил ту простую жизнь, какая дана всякому человеку. Любил березу и солнечный луч чистого утра, любил изви-

листую степную речку, которую «камыш укрывает, как брови красивые глаза девушки». Любил мягкий посвист перепела и то-скливый крик совы. Беззаботный смех, молодость, наивную веру, женскую любовь, литературных друзей, даже обывателей, над которыми смеялся. Любил русский язык, его славянский лиризм, его меткие сравнения, неожиданную образность. И более всего любил «тешить свой ум мечтами».

Он был искренен и говорил и писал только так, как чувствовал.

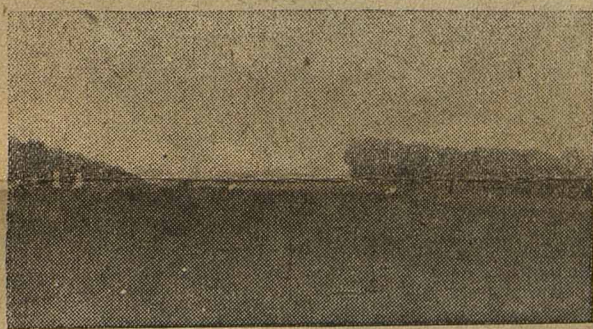
Он был глубоко добросовестен и говорил и писал только о том, что знал крепко.

Он любил быт, как только может любить его художник-колорист. И глядел он на него простыми, умными глазами.

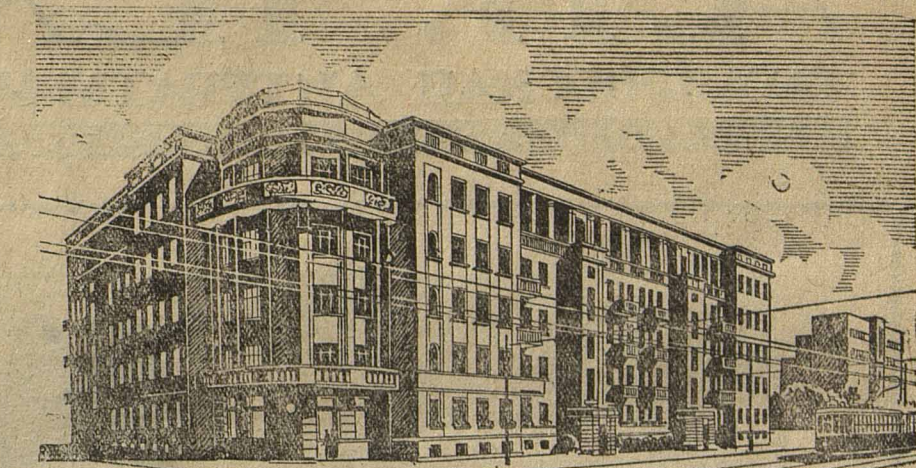
И вдруг отчего произошла эта тоска? Эта знаменитая «чеховская тоска», которая так ошеломила читателя красотой субъективной правды? Точно вскрыл он внезапно то, что носил тогда в душе каждый русский интеллигент. Вскрыл и стал так близок душе читателя.

Откуда она подкралась? От недуга ли, подточивавшего его жизнелюбие, или от мечтаний о лучшей жизни?

Тем, что в душе Чехова было самым глубоким и серьезным, он не делился даже с близкими. Как человек большого содержания и скромный, он любил одиночество чувства и одиночество мысли. Но при всей сдержанности иногда, в особенности



«Дубки» и дорога на Ростов во времена Чехова.



Строющийся в Таганроге дом для специалистов.

в письмах, он не мог скрыть мучительного тяготения к самым простым радостям жизни, доступным всякому здоровому человеку. В эти пять лет близости к Художественному театру он был прикован к югу, к лакированной зелени Крыма, которого не любил, вдали от литературных кружков, от близких, от левитановской природы, от Москвы, к которой чувствовал особенную нежность, и часто тосковал ужасно.

«Мне ужасно скучно. День я еще не замечаю в работе, но когда наступает вечер, приходит отчаяние. И когда вы играете второе действие, я уже лежу в постели. А встаю, когда еще темно. Представь себе: темно, ветер воет и дождь стучит в окно».

Да, вот представь себе. В то время, когда Москва грезит ему сверкающей вечерними огнями, когда в его любимом театре играют второе действие, может быть даже как раз то второе действие его «Трех сестер», где осевший в провинции Прозоров говорит: «С каким бы удовольствием

посидел я теперь в трактире Тестова», когда публика, пользуясь всеми простыми благами столицы, плачет над участью тех, кто томится в скучной госклинической глуши, — тогда именно автор, вызвавший эти слезы, испытывал «отчаяние», как заключенный. А когда все, о ком он вспоминает, еще ранним-рано спит, он уже встает. И воет ветер и дождь стучит в окно. И еще темно!

Я не имею возможности обращаться здесь к тем многочисленным трогательным, ласковым и печальным воспоминаниям, которыми окутана близость Чехова к Художественному театру. Один из наиболее дорогих нашему сердцу писателей и «коллективный художник» театра слиялся в самых трепетных своих мечтах и стремлениях. За пять лет, силою судеб, дружественно и тесно сблизившись их жизни для того, чтобы укрепить в искусстве новое движение.

75 лет со дня рождения и тридцать лет прошло со дня смерти Чехова, и когда разглядываешь пути сценического творчества за этот период, то ясно видишь, какую огромную роль сыграло это движение. Несмотря на каскад новых форм, их сущность, их живая природа исходят из все тех же источников непрерывно-очищаемого от штампов русского реализма.

В. А. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО.

А. ЧЕХОВ и Н. СИГИДА

В изданной прошлым годом книге М. П. Чехова (брат писателя) «Вокруг Чехова. Встречи и впечатления», сообщаются интересные сведения.

М. П. Чехов пишет, что в семье их соседей в Таганроге, обрусевших греков Малоксиано была девочка, часто игравшая с его сестрой (видимо Марией Павловной Чеховой, проживающей сейчас в Ялте). Впоследствии «она сделалась видной революционеркой» — добавляет М. П. Чехов, была судима и затем сослана

на каторжные работы. Там за нанесение ей оскорблений она, как говорил мне брат Антон, ударила надзирателя по физиономии, за что подверглась телесному наказанию и вскоре умерла.

Описанная М. П. Чеховым девочка ни кто иной, как впоследствии первая жертва знаменитой карийской трагедии, Н. К. Сигида, уроженка Таганрога. Напомним кратко это событие.

Это было в девятидесятых годах прошлого столетия.

На золотонисной реке Каре, левом притоке реки Шилки, в Нерчинском заводском округе, Забайкальской области (Восточная Сибирь), была расположена Карийская каторжная тюрьма, в которую царское правительство ссылало врагов самодержавия. Карийская тюрьма славилась ужасными условиями, в которых содержались политические. Начальник тюрьмы Мосюков был настоящим псом самодержавия. Долго сдерживаемый протест против зверского обращения с заключенными, наконец, прорвался наружу. Политическая заключенная, в ответ на грубость, дала пощечину начальнику тюрьмы Мосюкову.

Расширевший начальник тюрьмы донес о «бунте» генерал-губернатору. Последний разрешил для усмирения политических применить все меры. По приказу властей Н. К. Сигида была подвергнута порке (100 розг). Это было давно неслыханным фактом, так как телесных наказаний к политическим заключенным тюремщики, боясь скандалов, не применяли.

В ту же ночь, после наказания, Н. К. Сигида умерла от нервного потрясения. Возмущенным этим зверством тюремного начальства, 14 политкаторжан (Ковалевский, Смирницкая, Калужная, Калуж-

ный, Бобохова и др.) пытались отравить. Трое из них умерли. Вся тюрьма объявила голодовку, которая продолжалась 16 дней.

События на Каре получили впоследствии широкую огласку и известны под названием «Карийской трагедии». Напоминание этих событий имеет интерес в связи с тем, что главная их участница Н. К. Сигида (Малоксиано), — уроженка Таганрога, — была подругой детских игр Чеховых.

Научным сотрудником таганрогского городского архива М. М. Андреевым-Туркиным были по просьбе редакции «Таганрогская Правда», разысканы чрезвычайно интересные данные о Н. К. Малоксиано и ее современниках, которые мы в очень сокращенном виде и приводим читателю.

Н. К. Малоксиано — дочь таганрогского мелкого торговца, родилась в 1862 году, окончила в Таганроге гимназию и учительствовала в городской школе, нынешней школе № 8. По свидетельству современников Н. К. Малоксиано была хорошим и отзывчивым человеком, пользовалась уважением своих учеников и товарищей по работе. Она отличалась большой простотой, одевалась очень просто, ходила всегда в платке.

В конце 1883 года в городе был организован народолюбивский кружок, в который вошли Натан Богораз (Тан), А. А. Кулаков, А. С. Сигида и Н. К. Малоксиано. Приезжавший в 1884 году в Таганрог Бах принял участников кружка в члены партии «Народной воли».

После разгрома партии в 1884 году, на юге России, и в частности, в Таганроге, были попытки возродить народолюбивские организации, к которым примкнул и таганрогский кружок. В Таганроге решено было устроить подпольную типографию. Члену кружка, банковскому служащему, А. С. Сигиде, было поручено руководить работой этой типографии. Н. К. Малоксиано фиктивно вышла замуж за

Сигиду (отсюда и двойная фамилия Сигида-Малоксиано), с целью возможности совместной жизни и работы в подпольной типографии. Квартира для «молодоженов» (для типографии) была нанята по бывшему Полтавскому пер. (теперь Антона Глушко № 54) Шриф и оборудование были получены из Ростова. Печатание происходило в каменном подвале под квартирой, распространяли печатанное Богораз и народолюбец Орших.

Заслуживает в частности внимание, что в этой типографии были отпечатаны и выпущены последние №№ 11 и 12 «Народной Воли». Таким образом газета «Народная воля» закончила свое существование в Таганроге.

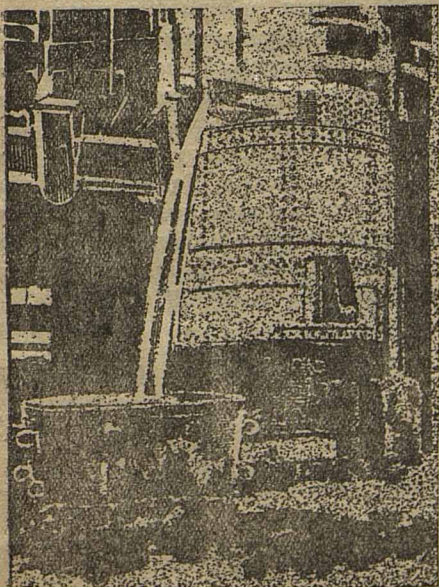
23 января 1886 года по доносу Антона Остроумова в квартире Сигида-Малоксиано был произведен обыск. А. Сигида и Н. К. Малоксиано были арестованы. Вскоре (через два года) случайно были найдены там же во дворе — бомбы. Сигида был приговорен к пожизненной каторге, но по дороге на Сахалин умер в Хабаровской пересыльной тюрьме. Трагический же конец Н. К. Малоксиано изложен выше.

Интересна судьба и остальных таганрогских народолюбцев А. К. Кулаков умер в Москве в 1931 году. Орших в 1928 году жил в Чили, Богораз (Тан) состоит в настоящее время директором антирелигиозного музея СССР в Ленинграде, Федорова, бегавшая за границу из ссылки в Тюмени — живет в данное время во Франции, работая врачом.

В Таганроге в настоящее время проживает несколько старожилов, хорошо помнящих жертву Карийской трагедии — Н. К. Сигиду. В Москве, в Музее Революции в отделе «Каторга и ссылка» висит ее портрет.

Таким образом — девочкой, которую вспомнил в разговоре с братом А. П. Чехов, была Н. Д. Сигида, урожденная Малоксиано.

В. А. Н.



Разливка стали на Таганрогском металлургическом заводе